

КАЗАХСТАН

9

АЛМА - АТА - 1948

Николай Анов

Д О Ч Ь

Очерк

Алма-Атинский сапожник Джасан Бейсов, узнав о рождении дочери, сказал своей жене Забажан разочарованно и даже с оттенком явного неудовольствия в голосе:

— Я ожидал, что ты родишь сына. Зачем нам дочь? Я хотел мальчугана.

Словно чувствуя свою вину, Забажан робко ответила:

— Не сердись, дорогой Джасан, следующий ребенок у нас, вероятно, будет сын.

Девочке дали имя Куляш. Сына Забажан так и не родила, к большому огорчению мужа. Джасан Бейсов, когда его дела бывали особенно плохи, вздыхая, ворчал:

— Придет старость, кто будет кормить нас с тобой? Неужели ты думаешь, дочь? Она выйдет замуж и останемся мы одинокими...

Жена покорно и молча выслушивала эти упреки, а дочь росла, как росли все счастливые советские дети. В городе, что стоял у подножья тань-шаньских гор, бойкая жизнь шла своим чередом. Девочка носила яркий пионерский галстук, бегала на «костер», посещала неполную среднюю школу. Потом она стала комсомолкой и поступила в педагогический техникум, чтобы сделаться через три года аульной учительницей.

В том самом здании, где сейчас помещается Казахская Государственная Филармония имени Джамбула, находился в былые годы клуб Совторгслужащих, а при нем существовал кружок художественной самодеятельности. Здесь рядовую участницу кружка, молоденькую черноглазую Куляш впервые заметил во время любительского спектакля знаменитый комик Серке Кожемулов.

— Тебе надо идти работать в театр, — сказал он задумчиво девочке. — У тебя есть талант. Ты ходишь по сцене, как у себя в комнате и говоришь точно таким голосом, каким должна говорить героиня пьесы, при этом лицо твоё выражает правдивые чувства.

Они сидели за тесными кулисами на бутафорском бархатном диванчике. Куляш о почтении слушала Серке. Он видел ее впервые, она же знала его по спектаклям в государственном драматическом театре.

— Я учусь на учительницу, — тихо сказала Куляш, смущенно перебирая бахромю шелковой шали.

— Это очень хорошо! — одобрил Серке. — Я сам думал быть мугалимом, но стал актером. Школ в Казахстане сейчас много, а театр только один, и в нем нет

настоящих артисток. Пять лет назад и в спектакле играл сразу три роли: одну мужскую, одну женскую, и, кроме того, роль старухи.

Говоря так, Серке ничуть не шутил. Казахский театр был одним из наиболее молодых в Советском Союзе. В то время, когда Кожемукулов рекомендовал молоденькой Куляш сцену, театр еще не достиг и пюперского возраста. Его существование измерялось всего шестью годами и, действительно, Серке не раз приходилось в спектаклях выступать одновременно и в мужской роли и в женской. Театральный коллектив не имел настоящего женского состава. За недостатком артисток женские роли исполняли жены актеров, а когда и их не хватало, немедленно выручал комик Серке Кожемукулов. Вот почему с такой настойчивостью он добивался у Куляш согласия перейти из подтехникума в театр.

— Я заметил у тебя хороший голос, — сказал Серке, — Ты поешь здесь лучше всех. Надо чтобы тебя послушал Амре Кошоубаев.

Куляш стыдливо опустила глаза. Она не раз слышала Амре, выступавшего и в концертах и хорошо знала некоторые подробности его биографии. Это он ездил в Париж, где сразу завоевал славу на всемирной выставке. Он цел там одиннадцать раз и ему дали премию. Потом его возили в Германию. Сейчас Амре Кошоубаев вместе с Серке работает в казахском театре. Там находятся самые талантливые люди Казахстана.

И Куляш сказала:

— Товарищ Кожемукулов, я посоветуюсь с родителями и завтра вам дам ответ.

Сапожник Джасан Бенсов, как обычно, поворчал, узнав о намерении дочки поступить в театр. Но он любил музыку и сам в молодости пользовался славой неплохого певца. Его охотно слушали на тоях. Сапожник не стал протестовать, однако Забажан была крайне огорчена. Разве удобно молоденькой девушке всю жизнь вертеться на сцене? Хороший муж никогда не женится на артистке. Нет, нет. Куляш должна быть учительницей!

Но вышло так, как захотела настойчивая Куляш. Через несколько дней Серке Кожемукулов отправлялся в гастрольную поездку по Турксибу. Он взял с собой и черноглазую девушку—будущую артистку Казахского Драматического театра.

Турксиб только что был построен, но не все работы еще были завершены. Куляш первый раз в жизни увидела паровоз и впервые поднялась по ступенькам в вагон поезда. Она начинала новую необычную жизнь.

Покинув Алма-Ата, девушка попала в пустынную степь, где возле стальных рельс стояли юрты кочевников, где в землянках, бараках и палатках жили землекопы, строители великого пути. Она впервые по-настоящему встретилась лицом к лицу со своим народом и впервые увидела, как этот народ, никогда не знавший театрального искусства, затанцовывал, следит за игрой приехавших актеров и вместе с ними переживает горе и радости героев пьесы. Серке заставлял неумолимых зрителей и смеяться и плакать. Он был полноправным хозяином их чувств. И Куляш ощутила ревнивую зависть к первому своему учителю. Какое счастье уметь давать радость людям. Будут ли ее любить зрители так, как они любят Серке?

Девушка принимала участие в концертах, которые устроивала группа для рабочих Турксиба и скотоводов, кочевавших в степи. Неугомонный Серке готовил ее к выступлениям, занимаясь с нею каждый свободный час в коридоре вагонов или за кулисами.

Из гастрольной поездки Куляш вернулась с некоторым сценическим опытом. Казахский театр готовил к постановке пьесу «Шестнадцатый год». Куляш дала небольшую роль. Она с успехом выступила на большой сцене и понимающие люди сразу почувствовали незаурядный талант новой артистки.

* * *

В казахском языке нет таких слов, как театр, артист, спектакль, суфлер, драма, опера. Эти слова в жизнь некогда кочевого народа принес Великий Октябрь.

Первый казахский драматический театр появился в Казахстане только в 1926 году, в городе Кызыл-Орде, бывшей столице Республики. До этого же времени в трех-четырёх городах Казахстана существовали небольшие любительские кружки, возникшие в первые годы революции. В них и выросли будущие актёры, профессиональные мастера, составившие ядро труппы национального театра.

В те годы, когда Куляш пришла на сцену, в Алма-Ата существовал только один драматический театр. Дела его шли неплохо, и среди актёров уже находились фантазеры, мечтавшие о создании своей казахской оперы. В коллективе театра были хорошие певцы. Из них выделялись в первую очередь бывший каркаралинский пастух Амре Кошоубаев, Курманбек Джандарбеков, Канзбек Байсеитов, Манарбек Ержанов, Иса Байзаков. Среди женщин прекрасными голосами обладали Урия Турдукулова и Куляш Байсеитова. Из этих актёров и составила студия первого Казахского музыкального театра.

Молодые артисты мечтали об опере, но непреодолимые трудности сразу же возникли на их пути. В опере нужно петь под скрипку, виолончель, рояль, а не под аккомпанемент двухъязычной домбры, к которой в течение веков привыкли казахские исполнители. И не просто петь, а одновременно играть. Опера немислима без танца. Но... казахский народ никогда не знал хореографического искусства. Надо было срочно создать свой национальный танец, или же позаимствовать его у братских восточных народов. Наконец не было еще и самого музыкального произведения, своей казахской оперы.

Писатель Мухтар Ауэзов выручил молодых артистов также, как он их выручил и раньше, снабжая театр пьесами. Переработав поэму, он написал текст музыкальной драмы «Айман Шолпан». Простой и вместе о тень занимательный сюжет, сочные бытовые сцены, многочисленные народные песни, талантливо обработанные композитором Брусилоским, танцы с беркутом и зайцем делали эту пьесу интересной одновременно и для актёров и зрителя.

Столица увидела ее 10 января 1934 года.

Эта знаменательная дата дня рождения казахской оперы стала неизбежной для Куляш, выступившей впервые под фамилией мужа — Байсеитова. Взысканная и растерянная вышла она на сцену, хорошо сознавая, что успех дела во многом зависит от нее, исполнительницы главной роли.

Оркестр заиграл партию Айман. Надо было начинать петь. Байсеитова молчала. Она пропустила целую музыкальную фразу. С большим трудом левиза прилаживалась к оркестру со второй фразы.

Первая музыкальная пьеса с огромным количеством песен, умело скрепленных сюжетным стержнем и красочными танцами, потрясла зрителей своей новизной, а соловьиный голос Куляш сразу же очаровал обаянием большого таланта. Полузабытые народные песни на другой же день запела столица Казахстана, а за нею и вся республика. Так обычно бывало, когда на киноэкране в Алма-Ата появлялся удачный фильм с яркой, легко запоминающейся мелодией.

Через три года после этого события в Москве проводилась декада казахского искусства. К финалу Большого театра подъезжали десятки легковых автомобилей. Счастливицы, имевшие билеты, торопливо входили в ярко освещенный вестибюль. Сотни людей толпились у подъезда с тайной надеждой как-нибудь попасть на спектакль «Кыз-Жибек» («Шелковая девушка»).

В этот день казахские артисты держали всесоюзный экзамен на аттестат зрелости. В правительственной ложе находился Иосиф Виссарионович Сталин, окруженный членами Политбюро.

...Шелковая девушка поет и видит знакомое по портретам лицо. Может быть поэтому в ее голосе соловьиная чистота достигает полной прозрачности. Падает тяжелый занавес. Шелковую девушку подводят к освещенной рампе. Она кла-

няется. Она видит, как аплодирует Сталин. В сердце Куляш — радость, восторг, еще минута и Жибек, разрыдается от счастья. А зрители неистово хлопают в ладоши и выкрикивают, выкрикивают без конца. И Куляш выходит и снова кланяется и снова уходит.

По утрам Куляш Байсеитова читала в газетах отзывы о спектакле и о себе. Она разглядывала свои портреты на страницах газет. Ей было непонятно — что случилось? Почему так радовались люди ее приезду в Москву?

Она спела партию Хадиджи в опере «Жалбыр» и снова газеты написали об образе, пронизанном теплотой и нежностью.

После десятого последнего спектакля в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца была назначена товарищеская встреча казахских артистов с московскими работниками искусств. Немирович-Данченко, Барсова и другие выдающиеся люди советской страны поздравляли Шелковую девушку с успехом.

Во время банкета дочь алма-атинского сапожника сидела между председателем Совнаркома Молотовым и наркомом обороны Ворошиловым. Они что-то говорили молодой артистке, но что именно Куляш не слышала. Ей казалось, что они видят сон. Разве наяву могут происходить такие непонятные вещи?

— Куляш, вам выступать!

Сердце артистки перестало биться. Она подняла хрустальный грациный бокал. В нем вспыхнул разноцветный огонек радуги. Сейчас она скажет приветствие тому, кто зажег солнце над казахской землей, кто сделал рабыню свободной, чье имя бессмертно в веках... И Куляш заговорила. Голос ее дрожал от волнения. Бокал трепетал в руках. Капельки вина падали на шелковое платье. Все ли она сказала правильно? Не пропустила ли она какого-нибудь важного слова?

Но оглушительно гремели несмолкаемые аплодисменты и радостные вопли: слезы неслись со всех сторон:

— Слава Великому Сталину!

А Иосиф Виссарионович, отвечая на приветствие, сказал по-казахски:

— Джасасын казак калже! — что означает: «Да здравствует казахский народ!» И тогда Куляш поднесла бокал к губам.

* * *

Куляш Байсеитова заняла в казахском оперном искусстве первое место. Сейчас она — лучшая певица Казахстана, заслуженно награжденная высоким званием Народной артистки СССР. Ее знает и любит вся республика. Недаром великий народный акын Джамбул о ней слагал свои песни:

На сабыза, ручья серебряй
Журчала мелодия радостных дней.
Куляш, черноглазая дочка степей,
Педа, как ооловей.

Словьем Казахстана назвал Куляш Байсеитову казахский народ и в знак особой любви к певице, избрал ее депутатом в Верховный Совет Республики первого созыва.

Узнав об этом радостном событии Джасап Бейсов задумчиво покачал головой и сказал своей жене Забажан:

— Если бы у нас родился сын, и ему исполнилось сейчас, как Куляш, двадцать шесть лет, был бы он членом нашего Правительства? Писали бы о нем в газетах? Посадили бы его Сталин рядом с собой на праздничном тое в Кремле?

Забажан молчала. Она привыкла молчать, когда говорил муж. Кроме того, она не знала, что ей ответить. Растущая, как лавина, слава дочери смущала робкое сердце матери.

— У меня тоже был не пьюхой голос, — продолжал Джасан. — Как левца, меня увижала вся Алма-Ата. Но я знал шило да дратву. Мне не позволяли ходить по улице мимо губернаторского дома...

Джасан помолчал и, хитро улыбувшись, подмигнул жене:
— Забажан, а как будто не плохо, что у нас родилась дочь.

* * *

Казахский Государственный театр оперы и балета Абая готовил в 1945 году к октябрьским торжествам постановку новой оперы «Амангельды». Шла репетиция. На огромной сцене в заключительной картине пел хор.

Мы сидели с Куляш Байсейтовой в полутемном зрительном зале.

— Скажите, Куляш, сколько человек занято в спектакле.

— Больше двухсот.

В ее голосе прозвучала гордость. Она помолчала и сказала:

— Двадцать лет назад казахских артистов было очень мало, и у нас не было своего помещения. Теперь нас много, и, посмотрите, товарищ, какой у нас великолепный театр. Я боялась играть Айман, а сейчас я готовлюсь петь партию Татьяны в «Евгении Онегине», и мне теперь не страшно.

Потом мы ходили в Академический театр драмы смотреть «Укрощение строптивой». Вчерашние кочевники, пастухи и батраки, играли Шекспира в городе, где до революции существовали только два кинематографа и не было даже русского театра.

Казахский драматический театр существует двадцать два года, театр оперы и балета — четырнадцать. За эти годы народ, не знавший оперного искусства, создал несколько национальных опер — «Айман Шолпан», «Жалбыр», «Бр-Таргын» «Терешь-Куль», «Амангельды», «Кыз-Жибек», «Тулеген Тохтаров», «Биржан Сара».

Успех этих произведений перешагнул границы республики. Обаятельная мелодия Ибрая, обработанная Брусилевским, «Гав-ку», занимающая основное место в «Кыз-Жибек», исполнялась неоднократно со сцены Большого Академического театра в Москве народной артисткой СССР Барсовой, «Гав-ку» пели в Англии, Франции, Испании.

Куляш Байсейтова, создавшая незабываемый образ Жибек в опере Брусилевского «Кыз-Жибек», Маро в «Даяси» Паллиашвили, Батерфляй в «Чио-Чио-Сан» Пуччини, создала и образ Татьяны Лариной в «Евгении Онегине». Весь оперный коллектив с чувством глубочайшего благоговения готовился показать бессмертное произведение двух русских гениев — Пушкина и Чайковского, на казахской сцене. Это благоговение шло от стремления отдать дань благодарности великому русскому искусству, без которого не было бы расцвета и молодого казахского искусства.

И Куляш одержала новую победу. Она донесла до казахского зрителя поэтический образ пушкинской Татьяны.

И снова вся казахская столица с восторгом заговорила о великом таланте дочери старого Джасана Бейсова, который сейчас от всей души радуется, что Забажан тридцать пять лет назад родила ему именно девочку, а не мальчика.